

**Русское государство в
половине XVII века**

**Приложение к 1 № Русской
Беседы за 1859 год**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русское государство в половине XVII века: Приложение к 1 № Русской Беседы за 1859 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 634 с.

ISBN 978-5-458-12771-4

ISBN 978-5-458-12771-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукопись, съ которой печатается подлежащій текстъ историческаго памятника, къ сожалѣнію укрывалась доселѣ отъ вниманія ученыхъ, быть можетъ не одинъ разъ пробѣгавшихъ страницы ея бѣглымъ взоромъ; укрывалась вѣроятно потому, что писана латинскими буквами и въ началѣ ея помѣщенъ на латинскомъ языкѣ малозначущій отрывокъ, по которому судили обо всемъ сочиненіи. Особеннымъ счастіемъ, тотъ, кто открылъ рукопись свѣту и сдѣлался нынѣ ея издателемъ, остановился съ филологической точностію на мелькнувшихъ предъ его глазами разнородныхъ статейхъ, говорившихъ по латыни о русскомъ народѣ, на латинскихъ письменахъ, подъ коими скрывалась русская рѣчь. Не мало потребовалось труда, чтобы разобрать уродливныя строки и вникнуть въ ихъ содержаніе: плодомъ труда было открытіе драгоцѣннѣйшаго памятника русской старицы XVII вѣка.

Достоинство памятника, проливающаго яркій свѣтъ на тысячи разнообразныхъ сторонъ такой эпохи, какова эпоха царствованія Алексея Михайловича; важность показаній, переданныхъ современникомъ и дѣятельнымъ участникомъ эпохи, его личный взглядъ, складъ ума, образованность сужденія, какъ выразительное мѣрило тогдашней степени просвѣщенія: всѣ эти качества и свойства конечно будутъ взвѣшены и какъ должно оцѣнены всѣми истинными любителями русской исторіи. Потому, послѣ уединенной обработки изданія, передавая общее приобрѣтеніе всему русскому обществу, издатель желалъ бы остаться въ сторонѣ, дабы преждевременными сужденіями и замѣтками не нарушить свѣжести впечатлѣнія, ожидающаго читателей, не развлечь

цѣльности возрѣнія, которое сложится въ умахъ по прочтеніи, не слишкомъ разшевелить, или, еще хуже, пригнупить ихъ законное любопытство. Онъ желалъ бы устоять, по крайности на первое время, свидѣтелемъ, но не участникомъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что показанія памятника даютъ обильнѣйшую пищу самымъ разнообразнымъ, даже противоположнымъ, возрѣніямъ на русскую старину вообще и на эпоху изображенную въ частности. Но, по естественной и ближайше-родственной связи съ тѣмъ, что такъ долго и одиноко лежало на сердцѣ прежде, чѣмъ сдѣлалось общимъ достояніемъ, провожая издаваемую рукопись на пути ея въ свѣтъ, издатель не смѣетъ отказать себѣ въ правѣ—сопровождать самихъ читателей по длиннымъ переходамъ открывающихся имъ образовъ и явленій, сопровождать не молчаливо, но словомъ, успѣвшимъ созрѣть при чтеніи сочиненія полнаго, при его медленномъ и самомъ внимательномъ изученіи. Для тѣхъ, кому долго еще дожидаться конца всего длиннаго ряда картинъ; кто не будетъ терпѣливо останавливаться на постепенномъ развитіи частностей, или, у кого готова будетъ при самомъ началѣ сорваться невольная рѣчь восторга или осужденія, рѣчь, своею поспѣшностію неволью оскорбительная для цѣльной галереи, для живописавшаго и живописуемаго: для тѣхъ, можетъ быть, краткое слово сопровождающаго спутника, чуждое притязаній на руководство и полное искренняго желанія подѣлиться истиною, будетъ не лишне, по крайности до той минуты, когда, пройдя весь рядъ отпечатанныхъ главъ и простиившись съ проводникомъ, читатель останется одинъ самъ съ собою, съ своимъ впечатлѣніемъ, съ своимъ сложившимся возрѣніемъ, готовый къ самобытному труду историческихъ выводовъ и соображеній.

Въ эпоху, которой принадлежалъ сочинитель рукописи и о которой идетъ у насъ рѣчь, крайнимъ предѣломъ времени, тѣмъ горизонтомъ, куда только обращались и достигали живыя воспоминанія народа, было царствованіе Ивана IV-го. Для современниковъ Алексѣя Михайловича, по яркости образовъ, запавшихъ глубоко въ народную память, оно было тоже, что для насъ время Екатерины II-й и вообще конецъ XVIII

III

вѣка, время, еще столь живое въ рассказахъ умирающихъ стариковъ, и вмѣстѣ крайнее, послѣднее, замирающее въ памяти и на языкѣ современной намъ жизни. Какъ новыя начала, вдавленные въ организмъ русской жизни могучею рукою Петра 1-го, выразились всѣмъ положительнымъ своимъ содержаніемъ, всѣмъ, что было въ нихъ плодovitаго, въ явленіяхъ Екатерининской эпохи: такъ точно, всѣ существенныя начала русской жизни, все, что она съ первыхъ лѣтъ положительно вырабатывала для полноты человѣческой исторіи, все обозначилось ясно, повѣстило себя ошутительными явленіями въ эпоху Ивана. Образъ, въ которомъ имѣла предстать Русь, при выходѣ изъ домашняго воспитанія въ семью другихъ европейскихъ народовъ, изъ замкнутаго круга внутреннихъ оборотовъ силы на широкое поприще всемірной дѣятельности,—былъ уже готовъ во всѣхъ, кое-гдѣ блѣдныхъ, мѣстами рѣзкихъ, но во всякомъ случаѣ главныхъ чертахъ своихъ. И здѣсь же впервые выразились выпукло темныя стороны русской жизни, стороны отрицательныя, ея накипь, какъ неминуемый, хотя и не желанный слѣдъ кипучихъ силъ молодости, ея зло, какъ неизбѣжный спутникъ развитія; и никогда еще прежде не выдавалась такъ ярко эта, скопившаяся вѣками, величина отрицательная, громко вызывавшая на рѣшительный бой, на кризисъ зрѣлаго возраста. Та и другая, положительная и отрицательная сторона, добро и зло, готовы были побѣдить или умереть, но во всякомъ случаѣ борьбою преобразовать жизнь, и допустить дальнѣйшій ходъ русской исторіи только подъ условіемъ преображенія. Задачу неотразимую принялъ на себя, сосредоточилъ и едва не потопилъ въ своей личности Иванъ Грозный. Въ его дѣйствіяхъ слѣдятъ иные только стремленіе къ политическимъ, общественнымъ преобразованіямъ и переворотамъ; другіе видятъ только разгулъ необузданной въ страстяхъ своихъ, хотя и державной, личности. То и другое дѣйствительно бросается порознь въ глаза каждому: но не въ томъ или другомъ лежитъ особенность этого типа. Полнота его слила въ себѣ неразрывно обѣ стороны: все политическое отрывалось отъ своего законнаго поприща, отъ жизненныхъ соковъ цѣльнаго народа, и претворялось въ ма-

повеніе личности, безспорно воспріимчивой и широкой по натурѣ, но распушенной въ нравственной порчѣ, личности самовластной, какъ будто даже самоопредѣлявшейся, но при всемъ томъ узкой, не возмогшей отрѣшиться отъ мелкаго себялюбія; съ другой стороны, все личное въ этомъ типѣ имѣло притязаніе выдать себя за политическое, прикрыться государственнымъ и общественнымъ, связать себя съ народнымъ, и—неизбѣжно впадало на этомъ пути въ ложь и лицемеріе; то, что хотѣло притвориться народнымъ образомъ, становилось только страшной и безобразной личиною; правильность очерковъ, живая игра фізіономіи замѣнялась кривляньемъ. То былъ *внѣшанный гнѣвъ*: *гнѣвъ*, какъ грозная сила, карающая собою все зло, закравшееся въ жизнь народа при вѣковомъ его развитіи; *внѣшанный*, какъ возведенный отъ разбросанной жизни въ высшую сферу политической дѣятельности, въ государственную форму; и, за всемъ тѣмъ, *гнѣвъ*, какъ страсть, со всею узкостію личнаго разгула, не только карающая, но и сама собою караемая; *внѣшанный*.—крайностию необузданныхъ движеній прихоти. Еще болѣе: государственный и личный типъ Ивана IV-го, въ своей цѣльности, былъ до извѣстной мѣры выраженіемъ самой эпохи, современной Руси; но не тѣмъ образомъ, который имѣлъ жить въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской исторіи, не тѣмъ преобразившимся существомъ, которое имѣло выйти изъ борьбы преобразованія къ новой преобразившейся жизни: въ немъ народное добро и зло, положительныя и отрицательныя пачала, были взяты въ самой крайности столкновенія, въ самомъ разгарѣ борьбы, еще не зрѣвшей благаго исхода. И въ борьбѣ этой, не подъ силу одному лицу, естественно сгарала и сгорѣла, истлѣла несомнѣнно высокая личность, безслѣдно потухшая вулканомъ, залитая собственной лавою, глубоко ниспадшая собственной тяжестью. А народъ остался въ быту прежнемъ, народная русская жизнь пережила Ивана, съ тѣми же неудовлетворенными требованіями преобразованій. И то, что боролось въ типѣ грознаго государя, но, цѣликомъ завлеченное въ личныя формы, не было выведено ни къ какимъ новымъ обществен-

нымъ плодамъ, то самое должно было вступить въ неминуемую борьбу, уже не на поприщѣ личныхъ, хотя и вѣнчанныхъ дѣйствій, а въ пѣдрахъ всего народа, въ пемь самомъ, вѣнчанномъ судьбою на подвигъ, неподсильный избраннымъ вѣнцесосцамъ, въ его жизни бытовой, общественной, политической. Такая борьба настала въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, въ безгосударное время, когда на всемъ пространствѣ Руси, во всемъ широкомъ объемѣ жизни, видимъ одинъ народъ, глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ наследованнымъ и присущимъ добромъ и зломъ своей исторіи; бѣды извѣстны только подошли къ этому внутреннему перевороту, только сопутствовали ему, только протягивали руку поддержки, препятствія или разрушенія. Съ такимъ знаменательнымъ началомъ вступаемъ мы въ XVII вѣкъ, и хотя, боясь натяжки, не хотѣли бы эту эпоху вводить въ подробную параллель съ началомъ нашего вѣка, но сама послѣдовательность явленій сопоставила въ близкомъ соотвѣтствіи 812-й годъ съ 612-мъ. Какъ бы то ни было, но только въ обоихъ концахъ XVII вѣка, въ его началѣ и заключеніи, мы знаемъ страшныя потрясенія, въ массахъ цѣлаго народа: все здѣсь колеблется, все готово рухнуть невозвратно. И кто повѣритъ, чтобъ межъ такихъ крайнихъ предѣловъ протянулся столь безмятежный, ровный и покойный вѣкъ, какимъ считаемъ мы вѣкъ Михаила, Алексія, Θεодора? Трудно повѣритъ, чтобъ это было такъ въ самомъ дѣлѣ; да оно и не было такъ, какъ бы намъ казалось. Перевороты въ концѣ XVII вѣка, запечатлѣнные какой-то роковой неизбѣжностію, убѣждаютъ насъ несомнѣнно, что и середина его не наслаждалась вожделѣннымъ покоемъ, что и здѣсь шло на всѣхъ точкахъ броженіе, разрѣшившееся послѣдующими ударами. Повтореніе всеобщихъ смуть въ концѣ вѣка невольно возбуждаетъ мысль, что смуты въ его началѣ — не закончили борьбы, не вывели народъ къ тѣмъ плодамъ, какихъ ожидала отъ ней исторія. И точно, буря первыхъ шестидесяти годовъ не разрѣшилась яснымъ вѣдромъ; она стихла какой-то мглою, въ которой продолжали снова тѣ же, прежнія, разрѣдающія стихіи; слеглась осалкой, въ которой на глубокомъ днѣ шевелилось прежнее броженіе. На-

родъ, совершившій великое дѣло спасенія земли, добровольно сошелъ съ передняго плана, временно занятаго, въ прежнюю глубь, мало намъ извѣстную изъ официальныхъ показаній возстановленнаго государства. Спасеніе, согласно коренному смыслу слова, въ общихъ чертахъ своихъ осталось спасеніемъ, то есть сбереженіемъ остатковъ былаго, со всѣми прежними составными частями. То не былъ плодъ преобразованій, тутъ не было преображенія: уцѣлѣли тѣже потребности борьбы добра и зла, только борьба десницею всего народа исторгнута была изъ личнаго мятежа Ивановой эпохи, изъ смятеннаго вращенія всѣхъ началъ, разбродившихся въ междуцарствіе, на мирный путь прежняго поступанія. Но первые шаги по этому пути указываютъ уже тотчасъ, что идутъ изъ прежнихъ неотмѣнимыхъ требованій и ведутъ къ неизбѣжнымъ преобразованіямъ. Царствованіе Михаила, смягчая горечь и врачуя раны минувшей тревожной эпохи, заготовляетъ только силы для шествія къ прежней, намѣченной и еще не достигнутой, цѣли. Царствованіе Алексія... Но здѣсь развертывается передъ нами рукопись, съ обильными и яркими красками эпохи.

Массы народа, вызываемыя по временамъ къ общему дѣлу земскаго собора, слишкомъ парализованы заботливостью головъ, подрядившихся за нихъ думать и засѣдать въ думѣ; возвращаясь домой, къ очагу, онѣ, какъ видится, не уносили съ собора и не вносили въ обиходъ ежедневной жизни началъ преобразующихъ; спокойствіе ихъ переходитъ въ безпечность, всѣмъ Славянамъ хорошо знакомую лѣность. Жить имъ было далеко не худо, и неизмѣримо лучше, чѣмъ съ XVIII вѣка: сносность жизни легко довольствовала простолюдина тѣмъ, что велось по пошлѣнѣ и какъ пошло изъ стари. Не видно улучшеній въ земледѣльческомъ быту, нѣтъ смѣлой предпримчивости въ торговлѣ; не только нѣтъ дальнѣйшаго развитія, но нѣтъ и укрѣпленія исконныхъ общинныхъ правъ, ихъ огражденія противу близкой опасности; нѣтъ народныхъ училищъ, какъ оплотовъ и убѣжищъ, гдѣ могли бы устоять и сберечься основы древняго самобытнаго образованія. А между тѣмъ, волненіе давнишнихъ, разнообразныхъ вопросовъ, не встрѣчавшихъ отвѣта, не стихаетъ;

VI

оно достигает даже высшей сферы духа, области вѣры: и тѣмъ хуже, что отвлекаясь отъ наглядныхъ вопросовъ жизни гражданской, вбирая ихъ въ себя, претворяетъ все въ дѣло вѣры; тѣмъ хуже, ибо гдѣ подъ званіями вѣры трактуются отношенія гражданскія, какъ напр. вопросъ о текстѣ книгъ, о правѣ разсуждать и говорить, о свободѣ слѣдовать любимому обычаю,—тамъ нѣтъ ни искренности и чистоты вѣры, ни самостоятельной постановки гражданского вопроса. Тамъ, на высотѣ холоднаго догмата, въ символической сферѣ мертвящей буквы, въ этой призрачной жизни, способна развернуться и развертывается только однообразная энергія — расколъ, какъ бессознательное отрицаніе существующаго порядка вещей, но безъ положительныхъ началъ, ведущихъ къ преобращенію жизни. Отсюда, съ этой вынужденной, отвлеченной высоты, зажигается борьба, но не та, которой должно было ожидать, не та борьба, какая сулила бы исходъ благотворный: близко раздаются громовыя рѣшенія 667 года, готовы пасть мученики упорства въ далекихъ стѣнахъ монастырскихъ. Схватка не сближаетъ, а только укрѣплить разъединеніе. Не названная на языкѣ раскола именемъ собственнымъ, но понятная чутью закравагаго раздора, недоувѣрчивость массъ къ государству растетъ часъ за часомъ; уже многіе готовы сказать: «объ насъ забыли тѣ, кому мы ввѣрили судьбу», но потупятся и не отвѣтятъ при вопросѣ: «за чѣмъ себя забыли сами, за чѣмъ, когда могли, за себя не говорили, не стояли?» Недовольство, не выражая себя явно, думаетъ отстоять самостоятельность протеста отчужденіемъ отъ жизни общественной, молчаливымъ упорствомъ и коснѣніемъ. Рычагъ всякаго движенія все болѣе и болѣе отходитъ въ руки высшей администраціи: она поднимается надъ народомъ, все тѣснѣе и тѣснѣе смыкаясь въ отдѣльный кружокъ дѣятелей, сговорившихся и спѣвшихся на одинъ ладъ. И когда спросимъ, гдѣ же, по крайности, плоды этой распорядительности, долженствовавшей развиваться сверху,—тогда въ отвѣтъ получаемъ грустныя, но убѣдительныя явленія XVII-го вѣка. Огромныя полосы земли лежатъ пустырями; бѣдныя орудія вздираютъ поля для одного только насущнаго хлѣба; соль волокутъ на гач-

VIII

кахъ и тащагъ на хребтѣ; полосы рудъ лежатъ безъизвѣстно, и довольно, если ихъ станетъ на ходячую монету; посѣвы льну, конопли и подобныхъ растений, не идутъ дальше домашнихъ нуждъ и грубой ткани, не шевелятъ внутренней промышленности. Еще не удовлетворены потребности первѣйшія, а растутъ уже новыя, не бывалыя, не знакомыя дѣдамъ, и часъ отъ часу прихотливѣй. Хоть бы помогла имъ торговля: но мало ей торжищъ, пути слишкомъ дурны и даже опасны, не смѣлъ оборотъ, мѣшковой сбытъ запертъ отъводу; изъ старыхъ пристанищъ лишь Новгородъ и Псковъ, да при морѣ Архангельскъ ему были открыты; пѣтъ ссудной казны, ни прочихъ условій торговаго подъема. Торговцы изъ чужихъ странъ не ждутъ насъ на границахъ, не нажито правилъ ихъ притоку и стоку: безмѣрною тучей, толпой саранчи налетаютъ они, насѣдаютъ на землю, весь плодъ пожираютъ; у насъ же скупаютъ сырой матеріалъ, выдѣлываютъ сами и жмутъ насъ цѣнами; въ ихъ руки ушли обороты. Благовременно не возросшая съ корня довольствомъ, разливается сверху и вторгается до самаго дна ненужная роскошь и прихоть: ее насыщаютъ и насыщая дразнить руки чужія, не наши. Наставшее, Богъ вѣсть откуда, время невѣдомыхъ дотождъ влеченій, питаемыхъ съ чужихъ, получаетъ для насъ характеръ соблазна; соблазну мы платимъ кровью и потомъ своей черной работы, а что чрезъ нее покупаемъ, все намъ иностранно. Иностранцы встаютъ для насъ карой, но мы поддаемся гнетущей ихъ силѣ невольно. Взгляните, вездѣ чужеземцы, и какъ они важны, какъ мощны собственнымъ нашимъ соблазномъ, невѣжествомъ нашимъ, нашей слабостью, лѣнностью, неловкостью рукъ: то въ гордыхъ посольскихъ рядахъ не ломаютъ и шапокъ предъ тѣмъ, что священно народу; здѣсь въ войскахъ вертять они нашихъ въ шеренги и мыкаютъ въ маршахъ; тамъ гуляютъ межъ нами, красуясь товаромъ, своимъ мастерствомъ, или гремя передъ посомъ у насъ же добытой казною, или запасъ собирая для масквилей ѣдкихъ, для книгъ противъ Руси; развратцы и буйны, отважны и наглы, они же смѣются простымъ нашимъ правамъ, пугливости, робкимъ пріемамъ, готовности сдаться. И точно, было что

забѣть тому плугу, правда не прошеному, но все-таки острому, пришедшему съ дальнихъ сторонъ на наше лежащее поле, на нашу тучную, но корявую ниву. Воспитанные въ требованіяхъ просвѣщенія самобытнаго, на глаза людей западныхъ весьма схожаго съ невѣжествомъ востока и легко казавшагося юродствомъ, мы, въ то же время, въ дѣлѣ наукъ, извѣстныхъ тогдашней остальной Европѣ, ушли не дальше знакомства съ азами, и только въ немногихъ недавно стали приглядываться къ названьямъ. Мы въ дѣлѣ военномъ отважностью брали и крѣпостью груди, едва ли искусствомъ, и конечно ужь не тѣми безплодными распрями главныхъ вождей, которые, въ связи съ мѣстническою безправностію, губили насъ въ битвахъ, судьбу цѣлыхъ полчищъ и всю честь народа вручая рукамъ неспособнымъ, а внутренній весь распорядокъ въ строю — безчисленнымъ выходцамъ странъ инопоземныхъ. Дѣятельность правосудія заражена была лихонимствомъ, положимъ—не повсемѣстнымъ, какъ случается въ нѣкыя эпохи, но все-таки нельзя позабыть, что признанныя формы тогдашнихъ учрежденій допустили такую заразу, не въ одисѣ только возможности, а даже и въ дѣйствительности, на которую доходятъ къ намъ вынужденныя сѣтованія. Распоряженіями финансовыми поддерживались откупа, и главныя средства казны опирались внутри на тягостныхъ налогахъ, а виѣ на ясакѣ. Чтò дѣлалъ Посольскій приказъ, не отдѣльными лицами, въ коихъ мы часто встрѣчаемъ обиліе истинныхъ дарованій, а общимъ своимъ составомъ, устройствомъ, — довольно прочесть тѣ прискорбныя нисыма къ царю, въ которыхъ изливалъ свою ѣдкую желчь и всю горечь вырывавшихся жалобъ безсмертный Пашокинъ. Роскошь двора потребляла богатые запасы, хотя не безмѣрно, какъ послѣ случалось, но все таки праздно, и добро бы сама,—цѣтъ, ими кормила пришельцевъ, всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которымъ хотѣли пустить пыль въ глаза угощеньемъ, всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ ѣсть и пить на нашъ счетъ, прикрывшися видомъ необходимыхъ международныхъ сношеній. Творчество слова, когда-то разлитое въ цѣломъ народѣ, становится больше и больше лишь дѣломъ кружка, зачинается сверху, и внизъ разливаесть придворность, наду-

тестъ и пышность, фразерство и свой, характерный для вѣка, реторика полный, схоластическій стиль. Гдѣ проповѣдь наша, гремѣвшая нѣкогда въ слухъ цѣлыхъ массъ живымъ, убѣдительнымъ словомъ? Ее замѣняетъ богословская полемика или кропотливая письменность келлій; но и здѣсь, въ исканіи и разборѣ рукописей, въ многочисленныхъ переводахъ, словаряхъ и подобной учебности, не видно успѣховъ большихъ: самый яркій для этого признакъ, — въ теченіе вѣка не сдѣлано ничего приснопамятнаго для священнаго текста; московскія книги поправятъ ошибку одну, и тотчасъ же впадаютъ въ другую; одно издадутъ, и готовы назадъ отбирать, обличая свой промахъ, давая обильную пищу придиркамъ раскола. Чего еще больше? Московская полная библія вторитъ лишь только тому, что успѣли покончить въ Острогѣ. И какъ же могло быть иначе? Предъ нами, смѣняясь одна за другою, поднимаются три главы, три представителя просвѣщенія духовнаго: нѣтъ недостатка ни въ силѣ, ни въ ихъ дѣятельности, много тревожной борьбы въ ихъ мысли и убѣжденіи; и все-таки не видно плодовъ въ родѣ тѣхъ, какіе благодарно приняла область духа въ наслѣдство отъ прежняго мирнаго, но прочнаго развитія. Другъ другу они противорѣчатъ дѣломъ своей жизни, самыя дѣла ихъ—одно другимъ разрушаются. Одинъ, посѣдѣлый сначала въ интригахъ двора, а потомъ въ политическихъ смутахъ, править дѣлами мірскими подъ именемъ сына, и силою примиряя съ ними санъ, возвышающій человека падъ всякимъ искательствомъ виѣшнимъ, пророчить тѣмъ самымъ неизбежный разрывъ непримиримаго; другой, среди возникающихъ горячихъ вопросовъ, кладетъ свою ревность на посѣдѣнную выдачу книгъ и собраніе въ кельѣ мірскихъ сокровищъ, которымъ дивится душеприкащикъ царь, но къ которымъ привыкли руки, накопившія сотни помѣстьевъ для лицъ или мѣстъ, отрекавшихся міра; а третій, — онъ рушитъ книжное дѣло втораго, и ищетъ добыть духовенству стороннюю силу, уже не въ помѣстьяхъ, какъ было дотошъ, не въ тѣсныхъ богатствахъ, какъ дѣлалъ предмѣстникъ, а въ области виѣшнихъ вліяній, кончалъ обратнo тому, къ чему пришелъ силою первый, — кончалъ разры-